ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Действительно, история самая обыкновенная. Из тех, что в школьном учебнике назвали бы типичными. Герой, а вернее, героиня — актриса. Время действия — 60-е годы. Место действия — кино. Образ действия — быстрый взлет, недолгий успех, и... Их было очень много — таких судеб. Впрочем, именно в ее судьбе было нечто необычное, отличное от остальных, пусть и похожих. Но об этом расскажет она сама — народная артистка РСФСР Лариса Лужина.

— Лариса Анатольевна, помню, как-то на одной из пресс-конференций устроители фестиваля «Созвездие» очень сетовали, что никак не могут затащить артистов ни в отборочную комиссию, ни в жюри — так все заняты. И хвалили вас за то, что вы дисциплинированно ходите на просмотры. Вы тогда очень горько заметили: «Но ведь я же не снимаюсь». Вы действительно давно не снимаетесь?

— Давно, лет 5 или 6. Я не считаю самые последние фильмы. Они радости мне не доставили, даже названий не помню. А то, что предлагают... Соглашаться стыдно на такие роли. Не потому, что эпизоды — я могу и эпизод сыграть, была бы в нем хоть крохотная искорка.

— Ваша кинематографическая судьба, насколько я понимаю, не сложилась из-за фильма «На семи ветрах» — из-за того, что автором сценария был Александр Галич.

— Не совсем так, хотя картина действительно многие годы пролежала на полке. И только недавно ее показали по ТВ. Помню — это уже в начале 80-х годов было — я ходила в прокат, просила копию для творческой встречи. Мне ответили: «Нет, мы ее дать не можем, она в черном списке. Можете пользоваться маленькими фрагментами». Но, слава Богу, осталась копия, которую сейчас восстановили. После этой картины был у меня еще прекрасный фильм «Тишина». Тоже несчастливый, его тоже долго не пускали, потом очень быстро сдернули с экранов. Но все же, думаю, были у меня и будущее, и работа, если бы не ушел из жизни замечательный режиссер Семен Ильич Туманов. Мы сделали с ним две картины: «Жизнь на грешной земле» и «Любовь Серафима Фролова». Задумывали следующую, он писал сценарий, но, увы... А это был действительно мой режиссер.

— Вы снимались еще в «Вертикали». Тоже не очень счастливой — главным образом потому, что в ней играл Владимир Высоцкий. Говорят, песня «Она была в Париже» посвящена именно вам.

— Да, он написал ее, когда мы работали на «Вертикали», в горах. В одном из сборников даже есть посвящение: Ларисе Лужиной. Я тогда снималась в Германии, летала туда-сюда и вообще очень много ездила. Во всех городах, которые перечислены в песне, я действительно побывала. Вот после одной такой поездки он сочинил эту песню, и проиграл нам там же, в горах, в палатке. Причем сочинил как шутку, а я на него очень обиделась. Мне не понравилась строчка «Пусть пробуют они, я лучше подожду». Это было еще до его встречи с Мариной Влади, в 1967 году.

— У вас не было с ним романа?

— Не то чтобы роман, но симпатия какая-то была. Мы очень долго общались после «Вертикали». Мой первый муж, оператор Алексей Чардынин, дружил с ним. Он часто бывал у нас дома, многие песни впервые спел именно у нас. Я даже помню, как в кооперативе устроили товарищеский суд — соседи написали жалобу. Они никак не могли понять, что у нас не хулиганят, не буянят, а просто поют.

— А с Мариной Влади вы дружили?

— Нет, мы даже не встречались. Както раз она пришла к нам вместе с Володей, но я не вышла познакомиться. Мне казалось, что Володя предал тогда одну очень хорошую женщину, которая страшно любила его.

— Лариса Анатольевна, вы говорили о съемках в Германии. Что это была за работа?

— Меня пригласили в пятисерийный фильм «Доктор Шлютер». Тогда в моде были такие сериалы, вроде «Четыре танкиста и собака», «Ставка больше, чем жизнь». Я играла две роли — мать и дочь, немок. Была просто поражена, почему выбрали именно меня, русскую актрису. Я и немецкого-то не знала. Оказывается, помог фильм «На семи ветрах». Режиссер никак не мог найти исполнительницу на главную роль, пробовал и польских, и немецких актрис, и как-то дома он случайно увидел эту картину по телевизору. Он посмотрел и сказал: «Вот такая мне и нужна. Разыскал, позвонил, так я и оказалась в Германии. После «Доктора Шлютера» была картина «Встречи», телеспектакли. Играла даже Тургенева на немецком.

— Вы знали язык?

— Нет, пришлось выучить. Сначала переводчица писала мне на бумажке отдельные слова, чтобы я могла общаться в гостинице. И так постепенно месяца за три научилась.

— Мне кажется, в вашей судьбе какую-то роковую роль сыграла случайность. В какой бы картине вы ни снялись, она оказывалась «несчастливой».

— Да, именно так и было. Это началось с самой первой моей ленты «Незваные гости». Она снималась на таллиннской студии и как только вышла на экран, режиссер уехал за границу. После «Тишины» была картина по сценарию Юза Алешковского которую тоже запретили. Все время я сталкивалась с очень хорошими людьми, но из-за них рушилась моя творческая судьба. То они уезжали то попадали в опалу.

— Многие актрисы трагически переживали «отлучение» от творчества. Как оно проходило у вас?

— У меня проходит до сих пор. Я просто стараюсь никому не показывать этого. Но, честно говоря, очень больно оттого, что ты никому не нужна. Я думаю: ну, ничего, есть сын, он сейчас из армии вернулся, надо его жизнь устраивать, я должна держаться. Приходится брать себя в руки, хотя состояние ужасное. Я до сих пор удивляюсь, почему в прошлом году мне вдруг присвоили звание народной артистки РСФСР. Радости я не испытывала никакой, потому что понимаю: это — за прошлое. Но, наверное, надо было тогда давать звание, когда я была на экранах. А сейчас... Сейчас дали как бы подачку, чтобы не очень переживала.

— Есть в жизни что-то, что поддерживает вас?

— Меня поддерживает только то, что я до сих пор встречаюсь со зрителями, и есть поколение, мое поколение, которое любит и помнит меня, что я до сих пор выхожу на сцену, что люди аплодируют, дарят цветы, говорят какие-то теплые, хорошие слова. Мы с Анатолием Кузнецовым сделали спектакль — «Светлые души» по Шукшину,— где я играю 5 ролей. Ездим с ним по стране, были в Болгарии. Это тоже своего рода выручалочка...

— А дом, семья?

— Муж, сын и я. У мужа совершенно другие интересы, связанные с административной работой, с эстрадой. А сын, слава Богу, решил не идти в актерскую профессию. Он увлекается техникой и перед армией начал работать на «Мосфильме» в звукоцехе, поступил на вечернее отделение в Ленинградский институт киноинженеров.

— Если оглянуться сейчас на 50—60-е годы, то окажется, что у многих известных актрис того времени как-то трагически оборвалась киносудьба. Почему это происходило и почему именно в нашем кинематографе так быстро «сгорают» таланты?

— Мне кажется, что каждый актер должен иметь своего режиссера, тогда он дольше «проживет» и на сцене, и на экране. А когда снимаешься у режиссеров случайных, то неизбежно начинают использовать то, что уже было найдено и опробовано раньше. У многих актеров и актрис именно первая картина тогда оказывалась самой успешной, и с этой высокой точки отсчета все постепенно шло на спад. Поэтому многие так и ушли из кино, не раскрывшись. Мне кажется, кино настолько жестоко по отноше-

нию к актеру, что нельзя жить им одним. Обязательно надо иметь сцену. Для меня примером в этом смысле является Марианна Вертинская, которая именно в театре стала очень профессиональной, очень гибкой актрисой и при своей романтической внешности может играть и комедийные, и характерные роли.

— К сожалению, режиссеры часто этого не видят, потому что Театр киноактера существует сам по себе, а кино — само по себе.

— А по-моему, этот театр вообще не нужен. Ведь он создавался, когда существовала очень четкая граница между артистами театра и кино. Сейчас эта граница стерлась, и театральные актеры, работающие в хорошем, «настоящем» театре, гораздо больше любимы режиссерами, чем актеры нашей студии.

— Давно уже на Театр-студию киноактера смотрят, как на тыл для тех, кто отработан кинематографом. Хотя, на мой взгляд, такой тыл, безусловно, имеет право на существование.

— Конечно, но в таком случае он должен помогать артистам — чисто профессионально помогать. Мы же, оттого, что нет хороших режиссеров, просто дисквалифицированы. Выходим на сцену и чувствуем себя абсолютно беспомощными. А ведь были же когда-то прекрасные постановки — «Красное и черное», «Варвары», «Иван Васильевич меняет профессию», «Таня». Ходил народ, играли хорошо.

— В общем, вам театр жить не помогает.

— Кроме того, что я получаю там «простойную» зарплату. Я называю ее пособием по безработице. Это единственная помощь. А творческой жизни у меня в этом театре нет совершенно. Не хочу жаловаться, но очень грустно бывает, что годы уходят, а ты... Иногда даже я думаю, что, может, не ту профессию выбрала. Хотя, наверное, грех жаловаться: все-таки я такую жизнь прекрасную прожила. Были и работа интересная, и взлеты. Но нельзя же жить одним прошлым. Еще не думаешь умирать, и так хочется работать.

Беседу вела
Ольга ШУМЯЦКАЯ.

P. S. ***От редакции: пока этот материал готовился к печати, для многих коллег Ларисы Лужиной в прошлое, похоже, отошли и «простойная» зарплата, и «надежный тыл» — Театр-студия киноактера (см. нашу публикацию в № 24). Что их ждет — тех, кого по прихоти киношных судеб мы давно не видим на экранах? Кто и чем им поможет? Пишите нам — если есть идеи и предложения.***

с.11